

НИКОЛАЙ РЫЖКОВ

член Совета Федерации

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ РОССИИ

Распад Советского Союза и смена общественного экономического строя, процесс приватизации, рейдерский захват основного экономического потенциала привели к деградации производительных сил России. При переходе к капитализму в стране были уничтожены многие предприятия, составлявшие остов экономики СССР. В это сложнейшее для нас время получила развитие деиндустриализация.

Разрушение созданного

Прежде чем говорить о деиндустриализации нашей страны, начатой в 1990-е годы, считаю необходимым проанализировать, в первую очередь, вопрос индустриализации народного хозяйства СССР. Можно ли утверждать, что у нас индустриализация была только в 1930-х годах, а в дальнейшем мы стояли в стороне от этого мирового процесса? Вокруг этого сейчас и строится политика тех, кто в 90-е годы прошлого столетия бездумно разрушил всё, что было создано в стране за многие годы.

Прежде всего, следует особо подчеркнуть, что экономическая модель СССР не была чем-то статичным на протяжении 70 лет Советской власти. Экономика динамично изменялась, как и жизнь людей, как состояние производительных сил и производственных отношений, менялись формы хозяйствования и т. д.

Анализ положения в СССР в тот период позволяет сделать вывод, что в стране существовала чёткая система обоснованных действий по развёртыванию новых производительных сил и выстраиванию соответствующих им производственных отношений. Всё это позволило в максимальной степени использовать отечественную сырьевую базу, создать новые технологии переработки сырья и материалов, новое оборудование, организовать подготовку инженеров и высококвалифицированных рабочих. Поэтому сегодня при обсуждении вопроса новой индустриализации нужно понимать и представлять себе, как на практике решались аналогичные задачи в Советском Союзе, в условиях планового хозяйства, при чётком и тесном соответствии между целями и ресурсами.

Статистические данные говорят, что индустриализация продолжалась не только в 1930-е годы, но и после Великой Отечественной войны — производство средств производства росло опережающими темпами. Индустриализация 1920–1930-х годов происходила при сдержанном развитии сферы потре-

бительского рынка и, как известно, во многом за счёт ресурсов села. Но в то время такой курс был оправдан. Если бы был выбран путь опережающих темпов роста потребительского спроса, что предлагалось, как известно, Н. И. Бухариным, то о победе в Великой Отечественной войне нам можно было бы только мечтать. Индустриальная основа была создана благодаря опережающему развитию тяжёлой индустрии.

Соотношение средств производства и предметов потребления, начиная с базисного 1913 года, показывает эволюцию в индустриализации в зависимости от положения СССР в мире и внутренних задач государства.

В 1913 году составляли:

средства производства (товары группы А) – 35,1%;
предметы потребления (товары группы Б) – 64,9%;

в 1940 году:

средства производства – 61%;
предметы потребления – 39%;

в 1950 году:

средства производства – 68,8%;
предметы потребления – 31,2%;

в 1976 году:

средства производства – 74%;
предметы потребления – 26%

К 1950 году страна вернулась к структуре 1940 года, что было обусловлено задачей накормить народ после войны. Начало “холодной войны” потребовало от не вполне восстановленного Советского Союза новых усилий по созданию оборонного щита, поэтому, начиная с середины 1950-х годов, вплоть до 1980 года на средства производства приходилось порядка 70–75%, а на предметы потребления – 25–30% суммарного промышленного выпуска.

Реальный сектор экономики был наиболее доходен и получал необходимые ресурсы, а сырьевые сектора исполняли роль обслуживающей, подчинённой инфраструктуры.

Объективно оценивая положение, сложившееся в сфере экономики СССР в последние десятилетия её жизни, хочу отметить следующее: безусловно, следовало бы, несмотря на внешние вызовы, изменить соотношение групп “А” и “Б”. Необходимо было повысить долю предметов потребления, обеспечив насыщение потребительского рынка высококачественными товарами. Такой структурный маневр снял бы остроту в этом вопросе, в стране могла бы коренным образом измениться ситуация в области потребления, что придало бы новый импульс социально-экономическому развитию и социальной стабильности.

Во второй половине 1980-х годов руководство страны и, в первую очередь, правительство понимало, что этот маневр нужно было производить безотлагательно, так как в годы “перестройки” это был один из злободневных вопросов в политической жизни государства. К сожалению, времени для такого маневра уже не оставалось. Всякая экономика, в том числе и советская, имеет инерционный характер, и необходимые маневры требуют много времени и сил.

Но дальнейшие события, как мы знаем, стали развиваться по другому сценарию, разрушительному: был взят курс на коренной демонтаж всей экономической системы страны.

Наступили годы деиндустриализации российской экономики. В конце XX века, когда в мире ведущие капиталистические страны использовали достижения нового этапа научно-технического прогресса, у нас в России шёл погром отечественной советской экономики. Прекратилось внедрение в производство новых технологий, что не могло не сказаться на уровне его развития.

В сфере трудовых ресурсов происходила утрата квалификации персонала и снижение производительности труда. Вместо роста доли продукции наукоемких отраслей ставка делалась на повышение добычи нефти и газа, что консервировало отсталость промышленного производства в основных отраслях. Ослабевающий промышленный потенциал российской экономики не мог обеспечить удовлетворения потребностей населения, тем более на фоне серьёзной конкуренции со стороны импорта. Сложилась драматическая ситуация в экономике России: вместо перехода к качественно новому этапу индустриального

способа производства, по которому в это время шёл мир, в производительных силах возникает феномен деиндустриализации.

Феномен деиндустриализации достаточно известен. Это устойчивое падение доли промышленного производства в национальном доходе страны, сопровождаемое уменьшением числа занятых работников. Обобщая различные точки зрения по поводу определения данного понятия, можно сформулировать следующие признаки деиндустриализации:

– последовательное снижение объёмов промышленного производства и занятости в производственном секторе;

– движение от промышленного производства к производству услуг, сокращение занятости в сфере промышленности и рост занятости в отрасли услуг;

– сокращение объёмов промышленного производства в структуре экспорта страны;

– длительное сокращение дефицита торгового баланса и, как следствие, невозможность расплачиваться за импорт, что ведёт к новому витку падения промышленного производства.

Деиндустриализация охватила весь реальный сектор экономики, все виды производства, началось падение объёма промышленного производства. По темпам экономического роста Россия существенно уступает Китаю и Индии. Эти быстроразвивающиеся гиганты создают свою материально-техническую базу заново. Нечто подобное происходит в Казахстане и Азербайджане, находящихся в сходных с нашими условиях, но с экономической моделью, обеспечивающей рост, превышающий темпы развития производства в нашей стране.

За четверть века пореформенного периода (1992–2018 годы) на прежних предприятиях в условиях мирного времени Россия не только не достигла своих стартовых технико-экономических показателей, но и ухудшила их. Произошёл развал ряда стратегически важных отраслей – машиностроения, электронной, химической промышленности и др. Не прекращена растрата колоссального в прошлом научно-технического потенциала, продолжается разрушение демографического и кадрового потенциала страны. Уровень жизни населения в России в три раза ниже, чем в Евросоюзе. Она расположилась в начале второй трети из 150 стран, рядом с Ботсваной, Экваториальной Гвинеей, Мексикой, ниже Латвии, Брунея, Чили, Хорватии, Венгрии. Всё это говорит об острейшем кризисе народного хозяйства.

Уровень развития экономики страны характеризуется, в том числе, величиной и структурой экспорта и импорта. Чем эффективнее экономика, тем больше её доля в мировом экспорте, а в структуре экспорта преобладает высокотехнологичная продукция. А вот данные о структуре отечественного экспорта за 1995–2013 годы:

	1995 г.	2013 г.
- минеральные продукты	42,5%	71,5%
- металлы, драгоценные камни и изделия из них	26,7%	10,4%
- продукция химической промышленности, каучук	10,0%	5,8%
- машины и оборудование, транспортные средства	10,2%	5,5%
- древесина, целлюлозно-бумажные изделия	5,6%	2,1%
- прочие товары: продовольственные, текстильные, кожевенные изделия	5,0%	4,7%

Сырьевой характер нашего экспорта объясняется не только тем, что мы вывозим много нефти и газа. Главная причина состоит в том, что, к сожалению, наша перерабатывающая промышленность в массовом масштабе не может конкурировать по качеству на равных с европейской и американской. Особенно это касается машиностроения. После тотального разрушения 1990-х годов наше машиностроение до сих пор не может достигнуть необходимого уровня конкурентоспособности, так как нуждается в огромных инвестиционных вложениях.

Говоря о машиностроении как основе научно-технического прогресса экономики страны, следует, прежде всего, дать оценку отечественной экономике и мировому научно-техническому прогрессу. О технологическом упадке в настоящей публикации говорилось неоднократно. И, тем не менее, есть необходимость несколько по-иному взглянуть на эту проблему – через призму индустриализации нашего государства.

В процессе индустриализации 1930-х годов в мире сформировался третий технологический уклад. Развитие промышленного производства нашей страны прервала Великая Отечественная война. В послевоенный период при восстановлении промышленности происходит и восстановление третьего уклада, хотя в капиталистических странах в то время сформировался уже четвёртый технологический уклад. Эта тенденция предопределила отставание России на один технологический уклад. В 1980-х годах отставание увеличилось ещё больше. Наша экономика оказалась не способной решить задачу ускоренного перехода к новому технологическому укладу.

Рыночная реформа 1990-х годов и позиция государства, взявшего курс на постиндустриальное общество, при котором сохраняется удельный вес промышленного производства и растёт доля сферы услуг, не могли не сказаться на уровне индустриализации и развития национального хозяйства России. К тому же “отцы” шоковой терапии не создали условий и не отвели достаточно времени для перехода к новой рыночной модели экономики, а разрыв хозяйственных связей между предприятиями окончательно привёл к нарушению их деятельности.

Огромнейшей ошибкой либеральных “шокотерапевтов”, приведшей к деиндустриализации, было их убеждение в “ненужности” государства в управлении экономикой. Государство уходит из экономики, и под влиянием “специалистов” Запада, особенно из США, производство практически предаётся забвению, а приоритет отдаётся сфере услуг. Складывается экономическая система с преобладанием экономических интересов торговцев, при этом промышленность уходит в тень, предпочтение отдаётся торговому капиталу, где прибыль возникает в минимальные сроки.

Особенность российской деиндустриализации заключается в том, что она носила не столько объективный, сколько субъективный характер, поскольку новая элита сознательно создавала рукотворную деиндустриализацию по лекалам Запада, который уже тогда определил место России лишь в сырьевом секторе. Таким образом, деиндустриализация нашей страны на основе либеральной монетаристской модели привела к развалу производства и к зависимости страны от иностранного капитала и технологий в целом.

В период деиндустриализации возник вакуум технологий. Государство ликвидировало 80% научно-исследовательских институтов и опытно-конструкторских организаций. Вместо развития и повышения конкурентоспособности произошло банкротство этих научных организаций, которые играли особую технологическую роль в крупной промышленности. Потенциал научного “котла”, в котором зарождались, развивались, внедрялись новые технологии, был сведён к минимуму. Крупные предприятия попали в зависимость от иностранных компаний. Этот процесс особенно обострился в условиях санкций.

И ещё. Процесс деиндустриализации был основан на переосмыслении роли государственного сектора в экономике России. Либеральная концепция до сих пор утверждает, что государственные предприятия не могут быть достаточно эффективными. Реальная жизнь показала, что, с учётом особенностей национальных интересов России и менталитета её населения, развитие технологического способа производства требует участия государства в собственности. Только государство, имея колоссальные ресурсы и варьируя уровнем прибыльности, способно создать крупные государственные концерны, особенно в высокотехнологичном секторе, от которого зависит обновление промышленности в целом. Только сильный государственный сектор способен переломить ситуацию и перейти от деиндустриализации к реиндустриализации.

Новая индустриализация

Как известно из истории нашего государства, основная индустриализация проводилась в 1930-е годы. Благодаря ей поменялся облик страны, которая из аграрной в течение десяти лет превратилась в аграрно-индустриальное

государство. За время проведения в кратчайшие сроки индустриализации было введено в строй порядка 10 тысяч новых предприятий.

Итоги индустриализации 1930-х годов проверила на прочность Великая Отечественная война. Без созданного в тот период производственного потенциала победить в тяжелейшей войне 1941–1945 годов было бы не реально.

После окончания войны прошли годы. Это было время, когда политическая обстановка в мире (“холодная война”) потребовала от нас снова “перенапрячь” свою экономику, развивая её в основном в направлении военно-производственного назначения. Да и собственные недостатки советской экономики, особенно неиспользование развернувшихся в мире новых технологических революций, не могли не сказаться в целом на уровне её развития.

Задача реиндустриализации отечественного народного хозяйства была впервые сформулирована в программе “Новый курс России”, опубликованной в 1992 году в качестве стратегической альтернативы разрушительным “шоковым реформам”.

В то время системный кризис в стране пока ещё не вылился в масштабную деиндустриализацию, парализующую реальный сектор экономики, государство ещё не превратилось в экспортно-сырьевую модель. Главным фактором проведения новой индустриализации того периода выступало неудовлетворительное состояние наших производительных сил: их низкое качество и несоответствие мировой элите автоматизации и роботизации.

Но предлагаемую новую индустриализацию не суждено было не только осуществить, но даже начать. По стране пронёсся смерч приватизации, цель которой была совершенно иная, нежели перевооружение промышленности страны. Созданный на основе катастрофы компрадорский капитал под корень выкосил отечественное машинное производство, о чём было сказано выше. Реиндустриализация утратила свой смысл.

Прошло четверть века после разрушения советской экономики и её производственного потенциала. Экономическое положение в стране сейчас оставляет желать лучшего. Именно так оценивают положение все специалисты, включая руководителей научных организаций, а также ряда представителей правительственных кругов. Уже многим стало ясно: для того, чтобы хотя бы частично восполнить сокращающиеся доходы от экспорта сырья, что является реальностью в долгосрочной перспективе, необходим переход высокотехнологичного производства на новую индустриальную основу. Иначе темпы роста будут отрицательными, а благосостояние страны и её населения будет снижаться.

С учётом этих обстоятельств мы должны реально осуществить новую индустриализацию производственной базы страны. И если в начале 1990-х годов речь шла о новой индустриализации экономики на базе научных достижений с сохранением структуры её реального сектора, то сейчас при осуществлении этого процесса перед нами стоят две задачи: одна – резкое изменение структуры экономики и вторая – модернизация ещё сохранившихся производств. И то, и другое направление должно быть выполнено на основе новейших достижений шестого технологического уклада. Проблема более чем грандиозная, но иного выхода в стране нет. В противном случае мы навсегда останемся в разряде развивающихся стран.

Прежде чем остановиться на некоторых предложениях индустриализации определяющих секторов экономики, было бы целесообразно, в первую очередь, оценить, сколько времени у нас ещё осталось для деятельности топливно-энергетического комплекса, основы нынешней социально-экономической жизни страны. Вопрос это не праздный – сегодня этот экспортный потенциал является реальным источником развития и модернизации, в том числе и новой индустриализации.

На сколько лет хватит России запасов нефти? По оценке зарубежных специалистов, они составляют 11 млрд тонн, а по оценке Минприроды России, они равны 15 млрд тонн. Объём добычи нефти за прошедший полувековой период составил 25 млрд тонн. Таким образом, запасов нефти хватит на 20–27 лет, то есть примерно до середины текущего столетия.

Следует отметить, что кратность запасов нефти в России составляет 26 лет, в Казахстане – 49, странах Персидского залива – 82 года, Венесуэлы – 334 года. Поэтому российские запасы иссякнут раньше, чем в остальном мире. Не исключено, что после 2050 года Россия из крупного экспортёра превратится в импортёра нефти.

Запасы природного газа составляют 32,6 трлн куб. метров. При ежегодной добыче 668 млрд куб. метров (2013 год) существующих запасов газа хватит на 63 года.

С углем лучше: существующих запасов хватит на четыре столетия. При этом газ и уголь могут заменить нефть. Но задуматься об этом стоит уже сейчас.

Несколько слов о нефтяной ценовой политике. Себестоимость российской нефти позволяет выдержать падение экспортных цен до 289 долларов за 1 тонну без сокращения объёма добычи. По аналитическим данным, себестоимость тонны нефти первой категории в разных регионах колеблется от 47 до 155 долларов, второй категории – от 93 до 248 долларов. Поэтому обрушение цен на нефть не потребовало сокращения добычи нефти первых двух категорий.

В перспективе электроэнергия всё больше будет заменять нефть. Россия продолжит развитие атомной энергетики, на долю которой уже сейчас приходится 18% объёма электроэнергии страны. Однако, по прогнозам энергетиков, собственного урана России хватит на 40 лет, но вот вопрос: а где же уран “благодаря” соглашению Гор-Черномырдин?

Ситуацию может изменить широкое освоение реакторов на быстрых нейтронах, потребляющих меньше ядерного топлива. Возможно, будет увеличиваться производство электроэнергии от возобновляемых источников. Но кардинально изменить баланс электроэнергии это не сможет.

Говоря о новой индустриализации нашего государства, я позволил себе остановиться только лишь на некоторых отраслях экономики. Если в стране будет разработана и принята специальная национальная программа, то она, безусловно, должна впитать в себя все отрасли экономики, а также мировые научные достижения.

В первую очередь, следует остановиться на перспективе развития машиностроительного комплекса как основе реинтеграции экономики на современном научно-техническом уровне.

Для превращения российского гражданского и оборонного машиностроения в основу для новой индустриализации, будущего устойчивого роста и экспорта гражданской машиностроительной продукции необходимы:

- наличие авангардных высокотехнологичных производств и комплексов оборонного, атомного, ракетно-космического машиностроения;
- современная чёрная и цветная металлургия;
- собственные высококвалифицированные инженерные кадры;
- ёмкий внутренний рынок;
- меры государственной поддержки производства машиностроительной продукции.

На долю импорта машин, техники и бытовых приборов приходится почти половина всего импорта, то есть практически половина экспортной выручки от продажи сырой нефти и газа. Поэтому импорт техники со 153 млрд долларов в 2013 году сократился до 86,3 млрд долларов в 2016 году, то есть синхронно с обрушением экспортной выручки.

Опираясь на прошлый опыт России и Китая, можно наметить следующие пути по преодолению отставания производства машиностроительной продукции:

- заимствование и перенесение в сферу гражданского машиностроения достижений оборонных отраслей промышленности, лидирующие позиции которых признаны мировым рынком. По объёму продаж вооружений Россия находится на втором месте в мире после США;
- заимствование достижений зарубежных машиностроительных компаний, привлечение их для сотрудничества вплоть до организации в России совместных производств;
- использование отечественных научно-технических разработок с учётом зарубежного опыта и применения комплектующих компонентов.

Если российским машиностроителям не удастся реализовать ни одно из этих предложений, то освободившиеся ниши займут китайские производители, имеющие большой опыт конкурентной борьбы на внутренних рынках США и России.

Автомобильная промышленность. В 2000-х годах России удалось едва ли не полностью ликвидировать техническую отсталость автомобильной промышленности. Эти достижения во многом были связаны с привлечением

в страну ведущих автомобильных компаний мира. Отечественные производители легковых и грузовых автомобилей – ВАЗ, ГАЗ, КамАЗ и др. – повысили конкурентоспособность своей продукции, используя собственные наработки отечественных моделей в сочетании с импортными комплектующими деталями и узлами. Гибель столичного завода АЗЛК привела к тому, что он стал символическим памятником несбывшимся надеждам на изолированное развитие автомобильной промышленности без всяких заимствований.

В результате реализация такой политики в отечественной автомобильной промышленности позволила увеличить выпуск автомобилей с одного миллиона до почти двух миллионов. По их производству страна заняла заметное 12-е место в мире.

С целью роста конкурентоспособности отечественной автомобильной промышленности было бы целесообразно производство для этой отрасли комплектующих узлов, электрики, пневматики, гидравлики, автоматики высокого качества организовать на мощностях оборонной промышленности. Это тем более важно, так как в настоящее время объёмы импортных поставок частей и принадлежностей к автомобилям сопоставимы по стоимости с импортом самих автомобилей.

Особо следует подчеркнуть значение шестого технологического уклада и особенно цифровой революции в области моделирования и проектирования, компьютерного инжиниринга и технологий при создании автомобилей. В качестве примера можно привести создание в 2000 году автомобиля “Шевроле-Нива” на АвтоВАЗе. Он стал первым массовым цифровым автомобилем в России. Последующие модели этого завода, которые вставали на конвейер, также были цифровыми. Весь процесс создания автомобиля был в основном компьютеризирован. Если 10 лет назад для сертификации новой модели требовалось примерно одинаковое количество натуральных и виртуальных испытаний (около 100 тех и других), то сейчас проводится примерно 5 натуральных и более 10 000 виртуальных тестов и испытаний.

Вызовы технологической революции не минуют в будущем и Россию. Не может она в этом деле остаться в стороне. Недавно КамАЗ и НАМИ показали новый автомобиль под названием “Шатл”. Это что-то среднее между автобусом, такси и легковым автомобилем, он будет использоваться как беспилотный транспорт по доставке пассажиров от дома до пункта назначения. Беспилотные автомобили приведут к большим изменениям в мировой экономике, так как автомобиль ждут серьёзные решения, связанные с изменением системы движения.

Таковы основные направления новой индустриализации в автомобильной промышленности.

Станкостроительная промышленность. Металлообрабатывающее оборудование является технологической основой машиностроения. Советская промышленность располагала большими производственными мощностями для выпуска станков. В настоящее же время производственные мощности по выпуску металлорежущих станков загружены всего на 17,5%.

Д. О. Rogozin, будучи заместителем председателя правительства России, расценил зарубежные поставки станков как “вторую иглу” – наряду с нефтегазовой, способную завести страну в “технологическое рабство”. Он подчеркнул: “Чрезвычайно важно локализовать производство станкостроения. Это основа нашего технологического суверенитета, если кто-то этого не понимает, тот ничего не понимает в экономике”.

Несмотря на принимаемые меры по развитию отечественного станкостроения, особенно для оборонных отраслей, коренных изменений пока нет. Импортируется станков в сотни раз больше, чем производится. В 2013 году было завезено только металлорежущих станков 845 тысяч штук, деревообрабатывающих – 346,3 тысячи штук. В 2014 году соответствующие цифры составили 788 тысяч штук и 308,1 тысячи штук.

Импорт станков в 2015–2016 годах резко сократился. Удельный вес импорта на внутреннем рынке станков снизился с 95% в 2013 году до 80% в 2016 году. Уменьшение доли импорта в эти годы было вызвано, в первую очередь, не ростом продаж отечественных станков, а сокращением импорта техники из-за санкций США и их союзников, резким удорожанием иностранной валюты, уменьшением инвестиций в основной капитал.

Для оживления отрасли станкостроения принимались кое-какие меры, в основном финансово-экономического характера. Все они имели преимущественно косвенный характер и не принесли ожидаемого результата. Доля станкостроения в ВВП России в настоящее время составляет всего 0,2%, в то время как в странах Европы и Америке – 2–5%.

Возникает вопрос: что же необходимо предпринять для возрождения и развития этой отрасли? На наш взгляд, следует использовать опыт оборонно-промышленного комплекса (ОПК). В высокотехнологичной продукции, которую экспортирует Россия, как известно, преобладает вооружение (около 80%). Выход на второе место в мире по экспорту оружия говорит о высокой эффективности отечественного ОПК. В этой отрасли найден путь сочетания плановых начал с рыночными элементами.

Возрождение собственного станкостроения позволит быстро и эффективно перевооружить все отрасли экономики. Наметившееся в мире заметное ускорение развития станкостроения, вызванное внедрением новейших технологий шестого технологического уклада, ставит вопрос ребром: либо Россия в ближайшие годы совершит скачок в развитии производства орудий труда, либо закрепится как технологически зависимое, отсталое государство.

Большинство отечественных станкостроительных предприятий находится или на грани банкротства, или едва сводят концы с концами. Их владельцам, частным собственникам, не под силу решать задачи такой сложности. Поэтому при разработке основных направлений новой индустриализации этой отрасли государству необходимо будет принять очень серьезные решения, так как обычными экономическими методами данную проблему не решить. К этому следует добавить, что западные европейские страны и США будут и дальше проводить политику на сохранение позиции России как мирового сырьевого придатка и продолжать делать всё возможное, чтобы не допустить развития в нашей стране высокотехнологичного производства.

Для восстановления станкостроения на новой технологической основе необходимо ввести государственное планирование – то ключевое звено, ухватившись за которое нынешнее руководство страны смогло бы не только на словах, но и на деле обеспечить подъём и развитие этой стратегически важной отрасли. И это будет подлинное возрождение России, когда она сможет занять достойное место среди ведущих держав мира.

Авиационная техника. В России в 1990-е годы в сфере гражданской авиации производство практически прекратилось. Выпускались в единицах только самолёты и вертолёты для армии. И это происходило в стране, которая, начиная с 1930-х годов, создала мощную авиационную отрасль со своими заводами, научно-исследовательскими институтами, конструкторскими бюро! Удар, обрушившийся на эту отрасль с мощнейшим научно-промышленным потенциалом, был наглядным примером того, как Запад и его приспешники убивали сильных конкурентов, дабы освободить наш рынок для поставки своей техники. Они прекрасно понимали, что, с учётом наших просторов и бездорожья, у нас без авиации не только не будет экономического развития, но ещё и будет нанесён удар по социальной сфере, что, безусловно, скажется на уровне жизни населения. И что примечательно: никто за это не понёс никакого наказания. Наоборот, некоторые из авторов подобного злодеяния в отношении своей страны даже разбогатели и стали уважаемыми гражданами России!

С 2000 года, к счастью, положение в отрасли стало меняться к лучшему. С использованием импортных узлов были выпущены самолёты “Суперджет-100”, в перспективе – выпуск глубоко модернизированного пассажирского самолёта ИЛ-114-300 и ряда других самолётов. Согласно государственной программе развития авиационной промышленности, доля российского гражданского авиастроения на мировом рынке должна к 2025 году возрасти с 1,1 до 3,6%. Намечено, что половина парков самолётов вместимостью свыше 85 мест в 2025 году будет укомплектована российской техникой, в то время как в 2012 году эта доля составляла 30%.

Небольшие объёмы производства отечественных летательных аппаратов гражданского назначения делают их неконкурентоспособными по сравнению с зарубежными производителями. Поэтому российский авиапром нуждается в существенных мерах поддержки со стороны государства, вплоть до национализации некоторых производств и мелких авиапредприятий.

Говоря о путях выхода из кризиса гражданского авиастроения, было бы неплохо, на мой взгляд, изучить опыт Китая в этом вопросе. Гражданская авиация в этой стране располагает необходимым парком самолётов иностранных марок. На самом деле эти самолёты изготовлены в Китае по соглашениям с иностранными фирмами. Нельзя ли и нам продумать подобный вариант возрождения производства гражданских самолётов?

В заключение разговора о гражданской авиации необходимо остановиться на “малой” авиации. Положение здесь ещё сложнее, чем в “большой” авиации, где эксплуатируются в основном самолёты зарубежного производства – “Боинги”, “Аэробусы” и т. д. Здесь же “добивается” ещё советская техника. Особо сложная техническая ситуация сложилась на наших северных территориях, и сейчас, думаю, уместно будет процитировать мнение специалистов об этих регионах:

“... Пространства с точки зрения размещения поселений предопределяют особое значение для Арктики воздушного транспорта. Однако малая авиация, обслуживающая небольшие населённые пункты, находится в крайне запущенном состоянии. Эксплуатируются использующие дорогостоящее топливо морально и физически устаревшие летательные аппараты, рейсы выполняются нерегулярно, цены на билеты за пределами с точки зрения платёжеспособности населения, ежегодно прекращают своё существование многие местные аэропорты и авиаплощадки. Зачастую транспортные связи северных посёлков с остальным миром восстанавливаются только с наступлением сильных холодов, когда открываются ледовые переправы через реки и автозимники.

Такое положение дальше становится нестерпимым. Вот почему необходимо уже сейчас Госпрограмму развития Арктической зоны Российской Федерации дополнить специальным разделом о Полярной авиации. Она должна включать в себя и порядок отнесения воздушных линий к социально значимым, субсидируемым; и план восстановления и принципы финансирования содержания местных аэропортов и площадок; и программу разработки и выпуска новой авиационной техники...”

Аграрно-промышленный комплекс. Прежде чем высказать соображения по новой индустриализации этого комплекса, следует внимательно рассмотреть структурные изменения сельского населения на протяжении нашей истории. В 1913 году крестьяне вместе с кустарями составляли 66,7% населения Российской империи. В Первую мировую войну масштабная мобилизация привела к сокращению крестьянского населения. Во время гражданской войны, “военного коммунизма” и послевоенной разрухи многие рабочие семьи, спасаясь от голода, бежали в деревню. В результате в 1924–1925 годах удельный вес крестьян и кустарей в населении СССР увеличился примерно до 75%.

Если в 1913 году городское население составляло 18%, то в 1940 году, благодаря форсированной индустриализации, этот показатель увеличился до 35%. Накануне развала СССР в 1991 году удельный вес городского населения РСФСР достиг 74%, соответственно доля сельского населения составляла 26%. Ускорить процесс урбанизации в XXI веке, как уже говорилось, предложил на Гайдаровском форуме в 2017 году “лучший министр финансов” А. Кудрин путём создания в стране, наряду с московским мегаполисом, ещё пяти-семи подобных мегаполисов в российских регионах.

В 1992–1993 годах произошло разрушение существовавшего прежде мощного рынка сельскохозяйственной продукции. СССР занимал второе место в мире (после США) по производству зерна на душу населения. По производству мяса и молочных продуктов на душу населения мы вышли на средний уровень западноевропейских стран. После ликвидации в 1992–1993 годах большинства советских индустриальных предприятий, несмотря на увеличение импорта продовольствия, потребление продуктов питания в среднем на душу населения сократилось примерно вдвое.

В настоящее время первоочередной задачей является создание новой организационной структуры сельского хозяйства и агропромышленного комплекса, а также возникает ряд вопросов по дальнейшему развитию АПК.

Один из вопросов – проблема средств для производства сельского хозяйства и пищевой промышленности. АПК, как известно, в 1992–1994 годах был разрушен, и предприятия тракторного и сельскохозяйственного машиностроения прекратили свою деятельность. Затем постепенно производство начало восстанавливаться, однако объём выпуска машин сократился в десятки раз.

Например, вместо 100 тысяч тракторов в год отечественные предприятия стали производить только 10 тысяч единиц.

В целом же сельскохозяйственное машиностроение СССР, занимавшее первое место в мире по объёму производства техники, не восстановлено до сих пор. Подобная ситуация сложилась и с оборудованием для пищевой промышленности, хранилищ и торговли.

По своей природе отрасли АПК ориентированы на использование местных ресурсов — земли, воды, материалов, а также кадров. Как известно, на протяжении многих лет деревня по тем или иным причинам подвергалась уничтожению — это и военное лихолетье, и индустриализация, и знаменитая теория “неперспективных деревень”, и “лихие девяностые годы”, и т. д. Начиная с кризиса 1990-х годов, активизировался и распад малых городов. Опрос выпускников средних школ малых городов показал, что только 4% молодёжи собираются оставаться после окончания школы в родном городе.

Вот такое положение реально сложилось в сельской местности и в малых городах страны. Выход из этой ситуации возможен при развитии в этих населённых пунктах малого предпринимательства с использованием местных как трудовых, так и материальных ресурсов.

О развитии в стране малого предпринимательства не говорит разве только ленивый. Но положение, к сожалению, кардинально не меняется. Как была несколько лет назад доля малого предпринимательства 22% в экономике России, так эта цифра осталась и поныне. К примеру, в Китае она составляет 60%, в США — 50%. Будем надеяться, что разрабатываемая сейчас по поручению В. В. Путина программа по малым городам даст определённый толчок в этом деле.

Вопросы развития малого предпринимательства в стране требуют реальных решений. Одним из них должно быть возрождение на новой основе потребительской кооперации. Без этого невозможно вести малое хозяйство — сбыт продукции, ветеринарное обслуживание, ремонтные проблемы и т. д. В этом вопросе существует серьёзный зарубежный опыт, особенно в скандинавских странах. Да и мы располагаем многими подобными функциями, сохранившимися ещё от советской системы потребкооперации. Только всё-таки остаётся большой загадкой: почему авторы либеральной экономики с первых же своих шагов уничтожили один из её основных рыночных элементов? Не потому ли, что он советский?

В заключение разговора о новой индустриализации в агропромышленном комплексе страны, естественно, возникает вопрос: какой из видов хозяйствования является основным в производстве аграрно-продовольственной продукции? Не отвергая роли индивидуальных, фермерских, малых предприятий в жизни страны, мы, тем не менее, должны ясно отдавать себе отчёт, что и в дореволюционной России, и в Советском Союзе основную массу товарной продукции сельского хозяйства производили именно крупные хозяйства. Подобное положение существует и сейчас в США и Канаде.

Этот тип хозяйств имеет более широкие возможности: они могут использовать современную технику и методы организации труда, новейшие технологии, брать на себя решение социальных вопросов и т. д. Индивидуальному товаропроизводителю это практически не под силу.

Знал ли об этом наш незабвенный Борис Николаевич? Вряд ли он мог “снизойти” до такой прозы, а вот те, кто давал ему советы и рекомендации, готовил решение по разгрому крупных хозяйств — колхозов и совхозов, — вот они-то прекрасно знали. Их задача как раз и заключалась в том, чтобы разрушить основу товарного производства сельхозпродукции и открыть ворота для её импорта с Запада.

Прошло время, но мы помним, как уже было объявлено решение президента Ельцина о роспуске колхозов и совхозов, и только в последний момент это роковое решение было остановлено и принято другое — “осчастливить” людей “паями”. Не чувствуется ли здесь что-то знакомое: в промышленности — “ваучеры”, а на селе — “пай”? Какую роль они сыграли в организации производства на селе? Абсолютно никакой! А вот скупка их, различные махинации с ними и прочие действия — это реальность.

Таким образом, новой индустриализации нужно подвергнуть, в первую очередь, крупные агропредприятия, аграрные комплексы, агрохолдинги и пр. Именно они смогут “впитать” в себя новейшие достижения науки и техники,

способы высокой организации труда, технологии на широкой основе и т. д. Всё это придаст им второе дыхание. Безусловно, потребуются внимание и к фермерству, и к подсобным хозяйствам. Они должны дополнять крупные хозяйства.

Мировой опыт реинтеграции и деинтеграции

После трёх десятилетий неумных восторгов по поводу наступления “постиндустриальной эры”, лицом которой является стремительно растущий сектор услуг, “творцы” европейской политики неожиданно прозрели. В 2014 году Еврокомиссия опубликовала специальное коммюнике “За европейский промышленный ренессанс”, в котором призвала принять срочные меры для возрождения европейской промышленности. С этого времени обстановка радикально изменилась. В условиях продолжающейся стагнации в экономике ЕС именно промышленному сектору Еврокомиссия отводит роль двигателя экономического роста.

Мировой финансово-экономический кризис 2007–2008 годов нанёс серьёзный удар по идеологии постиндустриализма. Возникновение кризиса, как известно, в значительной мере было связано с чрезмерным разрастанием финансового сектора с его гипертрофированной спекулятивной составляющей. В то же время пример Великобритании, Испании, Греции и ряда других европейских стран показал, как сложно преодолевать глобальный кризис, если в стране нет мощных производственных отраслей.

Несмотря на теоретические обоснования утверждения, что магистральный путь экономической модернизации пролегает исключительно через стимулирование наиболее перспективных секторов в сфере услуг и поэтапное свёртывание материального производства, промышленность на фоне продолжающейся в Европе стагнации обнаружила вдруг в глазах европейских политиков и экспертов ряд несомненных достоинств.

В специальном докладе Еврокомиссии в 2012 году говорилось, что производительность труда в промышленности в среднем на 15% выше, чем в других секторах экономики, а её доля в расходах на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) частного сектора составляет более 60%; в текущем экспорте стран ЕС удельный вес промышленной продукции превышает 70% и т. д. Еврокомиссия предложила план действий по реиндустриализации Европы, который предусматривал увеличение доли промышленности в структуре ВВП стран ЕС с нынешних 16 до 20% к 2020 году. Для справки: ещё в 1970 году реальный сектор занимал в структуре ВВП Евросоюза около 27%. К началу нового тысячелетия, в 2000 году, этот показатель уменьшился до 18,5%, а в 2013 году он упал до 15,8%.

Специалисты по “новой экономике” не учли тот факт, что значительная часть сферы услуг является производной от производственного сектора и её главное предназначение – обеспечить научно-техническим, информационным и деловым обслуживанием процесс производства на всех его стадиях.

Великобритания, считавшаяся в своё время “мастерской мира”, за последние тридцать лет сократила промышленность на две трети. Но что пришло на смену? Уволенные инженеры не стали программистами, а рабочие – брокерами. Великобритания не строит теперь судов, не производит автомобили. Все без исключения британские автомарки давно иноземны. Структурные перекосы в экономике, сильнейшая зависимость от Сити, пузыри на рынке недвижимости, хронический дефицит внешнеторгового баланса – таковы основные итоги “модернизации”, начатой премьер-министром М. Тэтчер. Так, в структуре ВВП Великобритании доля промышленности составляет сегодня менее 10%. По сравнению с 2000 годом она сократилась на 5,6%.

В большинстве западноевропейских стран тенденция та же. Доля промышленности в ВВП за период 2000–2012 годов больше всего упала в Финляндии – на 10,2%, в Бельгии – на 5,9%, в Швеции – на 5,6%, во Франции – на 5,2%, в Испании – на 4,6%, в Италии – на 4,5%. Из “старых” членов ЕС только в Германии индустриальное ядро сохранилось на прежнем уровне – 22,4% ВВП.

С точки зрения структуры экономики германская модель считается сегодня в Европе наиболее оптимальной. Говорить об очередном германском “экономическом чуде” нет оснований, но на фоне стран еврозоны ФРГ выглядит совсем не плохо. Она за последние пятнадцать лет сумела не только сохранить на

прежнем уровне долю индустриального сектора в структуре ВВП, но и увеличить объём производимой промышленной продукции на 23,5%. В Италии, например, за тот же период выпуск промышленной продукции сократился на 11,1%, в Греции – на 10%, в Великобритании – на 9,2%, в Испании – на 7,4%.

Вклад Германии в промышленное производство стран Евросоюза составляет 30,5%, что более чем в 2 раза превышает долю Италии и почти в 3 раза – долю Франции. Машиностроение, автомобилестроение, электротехника и химическая отрасль, включая фармацевтику, занимают около 54% в структуре немецкой промышленности. Востребованный на мировом рынке по товарной номенклатуре и качеству экспорт ФРГ всё ещё является “локомотивом” роста национальной экономики и позволяет ей выстоять даже в трудные времена.

В то же время Германия не осталась в стороне от процессов структурно-технологической перестройки, происходившей в мировой экономике. Повышение производительности труда, автоматизация и там привели к сокращению занятости в промышленности на 4,4% за период с 2000-й по 2013 год. Часть производственных мощностей была вынесена за рубеж. Если внутри страны сегодня Германия производит 5,4 млн легковых автомобилей, то за границей – 8,6 млн, из них 3,5 млн – в Китае. Оборот концерна “Сименс”, например, за рубежом существенно превышает его оборот в Германии. Но всё же 62% своей продукции немецкая промышленность производит по-прежнему дома, 21% – в странах ЕС и 9% – в Азии.

По мнению международных специалистов, развитие высокотехнологичных сегментов в промышленности и развитие в сфере услуг идут рука об руку. Они тесно взаимосвязаны, дополняют друг друга, и инновационные прорывы в одной области дают импульсы для развития в другой. Понимает это и Еврокомиссия, где всё чаще говорят о необходимости реиндустриализации ЕС, обещают в течение трёх лет аккумулировать 300 млрд евро государственных и частных инвестиций для развития инфраструктуры, индустриальных кластеров, энергетики и за счёт этого создать в Европе 25 млн новых рабочих мест. Это напоминает стремление России создать 25 млн высокопроизводительных рабочих мест до 2025 года!

Существуют две точки зрения на перспективы реиндустриализации Европы. Одна выражает позицию Еврокомиссии, которая высказывается за необходимость сделать упор на развитии высокотехнологичных сегментов промышленного производства, наращивать расходы на НИОКР в государственном и частном секторе, проводить взвешенную налоговую и реалистическую энергетическую политику, поощрять более активное участие малых и средних фирм во внешнеэкономической деятельности и т. д. Выражается надежда, что ЕС со временем сумеет вернуть себе статус мирового промышленного лидера.

Другие аналитики видят картину будущего иначе. По их прогнозу, через пять лет в первой “десятке” промышленных лидеров, кроме Германии, не будет ни одной европейской страны. В “двадцатку” попадут только Великобритания и Швейцария. При этом Германия опустится со второго на четвёртое место. Пятое займут США. Тройку лидеров возглавят Китай, Индия и Бразилия, а Нидерланды, Франция, Бельгия и Италия займут, соответственно, 24-е, 27-е, 30-е и 34-е места.

Эксперты по этой проблеме в 2013 и 2014 году подготовили два аналитических доклада с подробным разбором перспектив практического осуществления плана Еврокомиссии по реанимации европейской промышленности. Основной вывод звучит примерно так. Еврокомиссия, поставив на повестку дня вопрос о реиндустриализации, предоставила полезный совет, но пути достижения поставленной цели неясны, и вряд она достижима в обозримом будущем.

Основная причина этого заключается в том, что потенциал повышения конкурентоспособности промышленного сектора в разных европейских странах очень разный. Выработать же единую, пригодную для всех стратегию в этих условиях практически невозможно. Вывод таков, что пытаться выстраивать долгосрочную стратегию ЕС в расчёте на низкоценовой и среднеценовой сегменты промышленного производства – дело нереальное. Стоимость труда в Европе будет всегда выше, чем в азиатских странах или в Латинской Америке, несмотря на сохраняющийся разрыв в зарплатах между “старыми” и “новыми” членами ЕС.

Помимо собственно заработной платы, в стоимость трудовых издержек следует включать и социальные взносы предпринимателей. Учитывая высокие

социальные стандарты ЕС, конкурировать по цене продукции европейским странам придётся не только с Китаем, Индией или Бразилией, но и с Соединёнными Штатами, которые тоже взяли курс на реиндустриализацию и которые, кроме более низкой стоимости трудовых издержек, имеют, по сравнению с Европой, ещё одно конкурентное преимущество – дешёвую энергию.

С учётом сказанного выше, следует сделать следующий вывод. Возрождение европейской промышленности возможно только на базе её глубокой модернизации с ориентацией на высокотехнологические сегменты, в которых конкурентоспособность конечного продукта будет определяться его новизной и уникальностью, а не стоимостью рабочей силы и трудозатрат. По мнению Еврокомиссии, речь должна идти, прежде всего, о фармацевтике, медицинском оборудовании, компьютерной и телекоммуникационной технике, оптических приборах, авиастроении и космической технике, производстве новых материалов и т. д.

Считается, что в отраслях со средним и высоким уровнями доли НИОКР в себестоимости продукции в странах ЕС сегодня работает в среднем от 30 до 40% занятых в промышленности. Именно в этом индустриальном сегменте в 2013 году объём произведённой продукции вырос на 7% по сравнению с 2007 годом.

Проблема же заключается в том, что невысокотехнологические секторы определяют сегодня индустриальный профиль большинства европейских стран. Германия, где промышленное ядро составляют высококонкурентоспособные на мировом рынке четыре отрасли – автомобиле- и машиностроение, химическая промышленность и электротехника, – является на этом фоне скорее исключением, чем правилом. Если автомобильная отрасль, например, занимает в ФРГ 16% в структуре промышленного производства, то во Франции – только 4,5%, а в Италии – 3,7%. В шести странах “старого” ЕС – Франции, Испании, Великобритании, Нидерландах, Португалии, Греции – на 1-м месте стоит пищевая промышленность. В структуре промышленного производства стран ЕС в целом пищевая промышленность находится на 2-м месте после того же далеко не самой наукоёмкой металлообработки.

Добиться существенных сдвигов в отраслевой структуре промышленного производства невозможно за короткий срок, тем более что стартовые позиции для осуществления таких сдвигов в разных странах очень разные. Так, с учётом того, что главная цель Евросоюза – довести расходы на НИОКР до 3% ВВП, можно с уверенностью констатировать, что сегодня только Швеция, Дания и Финляндия сумели достичь этой планки. Германия и Австрия близки к ней. В пяти странах ЕС этот показатель ниже 1%, а в среднем по ЕС колеблется вокруг цифры 2%.

Есть ещё два обстоятельства, которые будут тормозить расширение доли промышленного сектора в структуре ВВП европейских стран. Во-первых, в некоторых отраслях – металлургия, автомобилестроение – сегодня наблюдается избыток производственных мощностей, и речь здесь идёт, естественно, не об их расширении, а о частичном демонтаже. Во-вторых, прогнозы развития хозяйственной конъюнктуры в ЕС не предвещают заметного оживления в экономике, а следовательно, и повышения спроса. В этих условиях нет оснований рассчитывать на увеличение инвестиций в промышленность.

Созреют ли они в обозримом будущем и созреют ли вообще – большой вопрос. Европе сложнее, чем США, добиться возрождения промышленности. Она, прежде всего, нуждается в нормативно-правовой базе, в гибком рынке труда, низких налогах, умеренных зарплатах, тесно увязанных с ростом производительности труда. Все эти вопросы относятся к сугубо национальной компетенции, и выработка общей стратегии здесь весьма проблематична.

Кроме того, Европа зациклена на ускоренном внедрении “зелёной” энергетики и защите климата и слишком далека от того, чтобы найти разумный баланс между приоритетами экологической политики и приемлемой стоимостью электроэнергии, финансирование которой в той же Германии ложится тяжёлым бременем на потребителей.

И, наконец, введение евро, как показала практика, не способствовало сближению уровней экономического развития стран ЕС, а наоборот, усугубило эти различия. Объективные возможности для становления высокотехнологических, конкурентоспособных, ориентированных на экспорт промышленных кластеров на севере и юге, на западе и востоке Европы настолько отличаются,

что рассчитывать на появление какого-то реалистического плана реиндустриализации под эгидой Еврокомиссии – значит, выдавать желаемое за действительное.

Скорее всего, события будут развиваться по инерционному сценарию. Германия сохранит своё место в группе промышленных лидеров. В странах Северной Европы могут появляться отдельные узкоспециализированные высокотехнологичные кластеры, как это было, например, в Финляндии, но никакой “промышленной революции” не произойдёт. На юге Европы, за исключением, пожалуй, Испании, повернуть вспять процесс промышленной деградации вряд ли удастся. Крупные европейские концерны уже разместили все те производства, где трудовые издержки играют определяющую роль. Серьёзных причин для их расширения в нынешних условиях нет. При этом вынос части производства за пределы ЕС, прежде всего, для освоения перспективных рынков в Азии и США продолжится.

* * *

В заключение этого раздела публикации мне хотелось бы привести слова президента нашей страны В. В. Путина, которые подтверждают мои мысли о необходимости новой индустриализации России:

“Я глубоко убеждён: деиндустриализация России – это абсолютно тупиковый путь... Не развивая, не модернизируя собственную промышленность, мы неизбежно увеличим сырьевую зависимость, потеряем многие направления науки и образования, потеряем наработанную ещё в прошлое десятилетие компетенцию, утратим целые научные, промышленные, производственные школы и окажемся, в конечном итоге, в самом низу пирамиды международного разделения труда. А значит, и по уровню жизни постепенно скатимся вниз. И от этого пострадают все, все абсолютно, в том числе и те, кто сегодня выступает за то, чтобы всё закупать за границей. В конечном итоге, пострадает страна.

Уверен, что время покажет правильность выбранного нами пути развития, формирования мощных, конкурентоспособных промышленных производств в автопроме, авиа- и судостроении, других отраслях производства. Это верный путь, и мы будем идти по нему”.